

Е.Л. Малиновский

ЩЕДРО СЕЮЩИЙ ЩЕДРО ПОЖНЕТ

**Методические рекомендации
по теопсихологии семейного воспитания**

Барановичи 2000

УДК 37.018.1 (07)

ББК 88.8

М 19

Рецензенты: декан факультета психологии Академии последипломного образования, кандидат психологических наук, доцент В.А. Дичук; учитель истории и религиоведения СШ № 10 г. Барановичи Г.И. Коктыш

М 19 Щедро сеющий щедро пожнет. Методические рекомендации по теопсихологии семейного воспитания. – Барановичи: БГВПК, 2000. – 64 с.

ISBN 985-6616-38-7

В пособии отражен религиозно-психологический аспект семейного воспитания. Личность жены, мужа, сына, дочери необходимым образом включает в себя не только научные и культурные компоненты бытия, но и конфессиональный способ его устройства. Гомотеозис как способ такого устройства служит, по мнению автора, теопсихологическим методом совершенствования познавательных, эмоциональных, поведенческих и генетических компонентов семьи.

Рекомендации предназначены научным коллективам, учителям школ, организаторам внеклассной работы, методистам по семейному воспитанию, родителям, школьникам.

ISBN 985-6616-38-7

УДК 37.018.1 (07)

ББК 88.8

© Барановичский государственный высший педагогический колледж, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Гомотеозис воспитания.....	4
Христианская семья – чудо-цивилизации.....	5
Семья и радостная жертва.....	13
К свободе от властей и страстей.....	16
Безвластие и несчастье.....	18
Щедро сеющий щедро пожнет.....	22
Вифлеем –2000 в экологию семьи.....	25
Семейная трапеза экумены.....	28
Прафесія: маці.....	30
Прафесія: айцец.....	33
Вяртанне да сябе.....	36
Інтралог.....	40
У сямы не без нарцыса.....	44
Любовь не раздражает я.....	47
Розарий в психическом развитии ребенка	50
Знак креста в семейной психокоррекции	53
Богомладенчество личности в материнском лоне Христовой Церкви.....	56
Заклучение.....	61
Літэратура.....	62

ХРИСТИАНСКАЯ СЕМЬЯ – ЧУДО-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Только христианство – и это главное достижение нашей эры – сумело создать уникальную целостность свободы и возможности личности. И эта целостность не имеет никакого отношения к извечной готовности народов культивировать свои религиозно-ритуальные традиции. Последнее, например, ярче всего обозначены в Исламе, обладающем четкой организацией классовых и сексуальных отношений, карающем любое проявление эмансипации. Это дает основание констатировать отсутствие зависимости между уровнем религиозной этики и степенью либерализации, подразумеваемой ангельским святым отношением к себе подобному.

Дело в том, что Бог сотворил человека «по образу Своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их» [Быт 1,27]. Следовательно, мужчина и женщина, подобные друг другу и Богу, вместе составляют Его образ. Человек – это целостный божественный образ мужчины и женщины. Личность же – качественное подобие Бога, независимое от своих половых составляющих. Личность сексуально нейтральна, свободна от подчинения чему-либо, например, фрейдовскому libido. Нет личности мужчины или личности женщины, есть самобытная личность человека как самобытная личность Бога, воспринимаемая нами через личность Сына Человеческого, Который и стал первой личностью в истории становления совершенно нового, чудесного мира, новой общности личностей, составляющих систему, обозначенную Папой Иоанном Павлом II как «Цивилизация

любви», Цивилизация иного, нового Рода, национально и сексуально «незабоченного», а потому нелицеприятно к образу жены или образу мужа.

Логико-исторический анализ требует конкретного решения вопроса семьи и брака не как вопроса секса и этики, но вопроса христианской популяции, этапно развивающейся ныне в цивилизации европейской, а, значит, римской. Философ Вл. Соловьев является автором оригинальной анаграммы – «ROMA – AMOR», отражающей генеалогию Римского престолонаследия как причины этой цивилизации, отличной от всех предыдущих, сколько бы их ни было, основанных на подавлении святости личности властью народов, зависимости красоты образа от силы богатства. Именно сейчас, в конце веков, когда в бывших странах СССР заметными темпами набирает силу фундаментализм и фашизм, немногие, составляющие мнчи иново, христиане европейской ментальности подвергаются воздействию «подавляющего большинства», неосознанно игнорирующего названую генеалогию, подменяя ее родством «киванов, не помнящих родства».

Религиозный экстримизм и истинный гуманизм с готовностью принимают плоды христианской цивилизации и культуры на уровне технологий, но при этом не думают о дривитии своим носителям достоинства личности как источнике истинного духовного поведения мужчин и женщин, любящих не только и не столько образ друг друга (лицеприятие), сколько подобие благодати Царства Божия внутри каждого из них. Это царство исключает деление на «иудеев и язычников.., мужеский пол и женский» [Гал 3,28], но определяет психологическое и духовное единство, при котором, например, поляк и русская любят друг друга не за внешность, а за силу внутреннего царства, этого постоянного и вечного подобия Отца и личности Сына. Это подобие и является истинным критерием и настоящим гарантом счастливой любви. Женщине да будут вашим украшением не внешнее плетение волос, не золотые уборы и нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек и нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» [1 Петр 3,3]. Непременное торжество благородно непорочно женственной красоты и мужественно святой любви христиан, объединенных целью Царства «и на земле как на небе» [Мф 6,10], начинается с христианской семьи, создаваемой по подобию Царства Небесного – Вселенской Церкви и «младенца мужского пола» [Откр 12,5] – святой любви.

Истинная свобода предполагает и великую ответственность личности, жизненной целью которой является собственное блаженст-

во, подчиненное славе Божией. Не может быть счастливой личность, не прославившая собой Творца. Подчиненность счастья славе лежит в основе священной иерархии, полагающей как самобытность, так и зависимость твари от Творца.

С пониманием священной иерархии связаны такие глобальные генеалогические характеристики семьи, как «патриархальность» и «патриотизм». Непонимание иерархического принципа в их сочетании, тем более безумное культивирование последнего в ущерб первому приводит ко многим общественным недоумениям, настроениям и даже войнам. Восприятие патриархальности как отцовства устанавливает принцип вначале духовно-психологической, а затем уже социально-политической иерархии. Кто кого возлюбил первым: не человек Бога, но Бог человека, не жена мужа, но муж жену, не отец детей, но дети отечество. С нарушением этого принципа начинают смещаться степени свободы членов семьи и общества, обрывается их функциональная зависимость внедрением неосознанной установки либо на индифферентность, равнодушие человека, либо его сверхинициативность по отношению к семье и обществу. При этом здесь очевиден момент компенсации: чем активнее общественная жизнь, тем меньше ее потенциал затрачивается на семью. Сверхинициативность — это попрание принципа иерархии, когда муж «держит за бороду» Бога, жена «держит под каблуком» мужа, дети же, как они сами изволят выражаться, «держат шнурки в ставане» — короче говоря, «форменное безобразие». Выход из него один: с самого начала психологического [не социального] учреждения семьи не приспособляться к внешним общественным условиям, но планировать ее спасение в жизнь вечную, в частности, вхождение в новую цивилизацию, где человеку не нужно будет «разрываться в клочья» между домом и работой, любовью и долгом. Никогда не подпускать инициативу по этому вхождению, ибо принцип последнего призыва еще существует: «И Дух и невеста говорят: прииди. И слышавший да скажет: прииди! Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром» [Откр 21, 17]. И начинать надо с покаяния, причем покаяния того, кто мудрее, каковым и должен быть муж любящий.

В ходе исповеди детей об их непослушании родителям мне часто доводилось выставлять аргумент: не послушаться родителей можно только в том случае, если они непослушны Богу, и если это обстоятельство является психологическим стимулом для инициативного вхождения в обитель послушания Отцу Небесному и Матери Церкви. В противном случае непослушание приведет к непоправимым бедам, ибо любое неуважение, независимо от того, на кого оно направлено —

верующего, неверующего – в равной мере наказывается и компенсируется жизнью и смертью. Та же психологическая закономерность прослеживается и по отношению жен к мужьям. В целях ее отражения приведу только один пример. Для того, чтобы душевно поддержать верующих женщин в восприятии ими довольно сложного, категорического определения Апостола «а жена да боится своего мужа» [Эф 5,33], я часто прибегал к синонимам данного термина, а также сравнениям и метафорам, пока одна женщина конкретно и убедительно не «доказала» его справедливость: «Я давно заметила, стою мне поругаться с мужем, как обязательно либо я, либо дети болеем, а ему хоть бы что... Перестала ругаться – и сама стала здоровее, и муж бросил пить».

Можно уверенно утверждать, что если начало физического здоровья семьи лежит в психологии жены и матери, то духовное здоровье – несомненно удел отца и мужа: «Мужья любите своих жен, как свои тела, любящий свою жену себя самого любит» [Эф 5,28]. Любящий себя самого самобытен, то есть строит свой дом не на «песке» авторитетных «связей», но на изначально связующем Слове [Ин 1, 1], которое еще в несотворенном мире обрело свои устои – чин. Материально-материнская картина развилась в соответствии с этим чином, законом, и сама по себе стала *при-чин-ой*, субстанцией всех житейских и природных (генетических) отношений между *муж-чин-ой* и *жен-чин-ой*. Вклинившееся в духовотворенную Словом причину мира сверхинициативное покушение запретного плода от «древа познания» привело к «без-чин-ию», а от него к *без-начал-ию*, то есть к нелогичному, стихийному, случайному, наконец, дикому существованию. От начала свободные, независимые взаимоотношения человек, не третирующий своих различий – «и были оба наги, Адам и жена его, и не стыдись» [Быт 3,16] – мгновенно обернулись в зависимость жены от мужа, мужа от земли [Быт 3,16-19].

Исследование дисиерархичности, по сути, распада современной семьи, требует, в целях его дальнейшего предотвращения, классификации основных признаков этой дисиерархичности в тексте бездуховной материальной зависимости. Это, во-первых, нелюбовь к себе, так как материя не содержит в себе духовного источника; однако эта нелюбовь к себе уживается с требованием такой любви от окружающих. Во-вторых, активная требовательность к окружающим сочетается с обязанностью критическо-аналитического отношения к себе самому, и в то же время существует услужливая готовность подчиниться внешним требованиям до известной степени мазохизма. В-третьих, фетишизм со стремлением выполнять одни и те же внешние действия, вхо-

ждение в рабскую зависимость от самих этих действий, «образа жизни» и т.п. В-четвертых, сверхзабоченность, сопряженная с духовной безответственностью: явное доминирование общественных интересов над духовными и психологическими проблемами семьи. В-пятых, неспособность к полноценному отдыху в кругу семьи, стремление «отдыхать» раздельно. В-шестых, постоянное «подогревание» интереса к себе в общении с окружающими. В-седьмых, «интерес к жизни», означающий, по сути, нескончаемую игру в «жизнь», приводящую в конечном итоге к абсолютной дезориентации во времени, пространстве и движении, то есть – потеря самого себя.

Этот последний аспект предложенной классификации начинает давать о себе знать еще при появлении ролевой установки на жизнь так часто культивирующейся в нашем постсоветском восприятии действительности. Нами исследовалась ролевая установка как демонстративный синдром личности. Испытуемым различного возраста, социального статуса и семейного положения (выборка до 300 человек) предлагалось перечислить роли, играемые ими в обществе. Абсолютное большинство, более 90 процентов опрошенных, так сказать, попались на удочку своей «актерской» установки, то есть отметили в предложенном списке такие неравнозначные словосочетания как «роль отца», «роль матери», «роль сына», «роль дочери», «роль брата», «роль сестры», «роль бабушки, дедушки». Я не допускаю мысли о том, что каждый из этих испытуемых на самом деле «играет свою роль», но с высокой степенью уверенности предполагаю, что почти все они в той или иной мере, как «профессиональные актеры» несут в себе внешне скрываемый, внутренне подавляемый клубок духовно неосознаваемых проблем, среди которых бытовой алкоголизм, супружеская неверность, податливость инфантильности, нервная депрессия и др. в должной мере квалифицируются нами в качестве следствия потери семейной иерархии, священнологического основания личности как подобия Божия.

Осознание духовной иерархии снимает функциональную зависимость отца, мужа от мира, жены от мужа, детей от родителей, но предлагает более отдаленный в демонстративном ракурсе результат. Отец Анджей Белат в своей психологической статье «Иосиф-Обручник, икона отца» ставит проблему отцовства в ее приложении к патриархальному образу Святого Семейства. «Называя Святого Иосифа отцом Иисуса, мы, разумеется, имеем в виду, что не он дал Иисусу жизнь, но зато в буквальном смысле

слова защитил ее».* Автор проводит параллель между Обручником как архетипом духовного отцовства и понятием мужчины вообще как воина, защитника. Каждый мужчина лишь отчасти влияет на зачатие и характер будущего сына. Чудо рождения, как и чудо Рождества, подвластно отцу земному, но только Небесному. Поэтому к рожденному младенцу глава семейства должен относиться с таким участием и благочестием, которое было присуще святому Иосифу.

Это что касается отношения мужа к Богу. По отношению же к людям мужчина должен формировать в себе такие парадоксальные свойства, идеал которых наблюдаем в иконе отца. Это идеал далек от мирских представлений о мужественности как насильственных «брутальных» свойств характера: силе, решительности, подвижности, инициативности, авантюризме и т.п. Отец Анджей вопреки своему яризованной [мирской] установке приводит неожиданный образ отца как философа: «Хороший мужчина – не просто философ, но метафизик. Главная черта мужского философского отношения к жизни – кротость. Он уважает этот мир и смиренно, кротко принимает его таким какой он есть. Мир для него всегда неожиданно. Это хорошо видно на примере отцовства. Мы знаем откуда дети, но это все равно всегда неожиданно, непредсказуемо. Мы хотели, чтобы была девочка, а родился мальчик, чтобы он стал математиком, музыкантом или художником. Жизнь постепенно погружает нас в неожиданные ситуации. И этот элемент неожиданности требует, чтобы мы были философами и относились кротко и смиренно к действительному миру, к живой жизни. Это также касается и нашей ответственности перед новой жизнью, которая приходит в мир через нас» [там же, с. 144]. Именно такому идеалу отца и соответствует икона Иосифа-Обручника, человека, который неожиданно для себя самого стал обыкновенным отцом необыкновенного Младенца.

В данной связи призыв Господа – «И отцом себе не называйте никого на земле: ибо один у вас Отец, Который на небесах» [Мф 23,9] – относится, конечно же не к отцам Церкви, о чем настойчиво агитируют сектанты, но к «лжеучителям и лжеотцам», всевозможным «гурьманским» кумирам мира сего.

Осмыслению образа Иосифа-Обручника в христианском мире может служить самоотверженное служение Церкви Папы Римского, защищающего апокалипсического «младенца мужского пола»

* Анджей Белат. Иосиф-Обручник, икона отца. В сб. Начала христианской психологии, под ред. В. Братуся. – М. 1995, с. 145.

[Откр 12,5] – каждого истинного христианина, сына Непорочной Девы Марии, Матери Церкви.

Если архетипом отца семейства служит икона Иосифа, то прототипом материнства является, несомненно, Пречистая Дева Мария. Ею исполняется весь смысл женственности и материнства. Дело в том, что ныне почти утерян в мире истинный смысл этих двух священных понятий. Женственность часто трактуется как кокетливость, импозантность, модельность – характеристики, подавляющие истинный смысл материнства и женственности как бремени и небесной высоты.

Имея перед собой, а точнее, заключая в себе священный пример Благовещения – «Се раба Господня, да будет мне по слову твоему» [Лк 1,38] – настоящая жена со смирением воспримет весть о зачатии не только первого, но и седьмого ребенка, ее посвященная готовность не оставит места унынию, но философски надеется пока еще отдаленной, но неминуемой перспективой блаженства Рая, как говорится, – дело благородное, но милосердная жена не прижмет, а спасается от оков мира и перестает уже быть рабой, но свободной личностью, преподобной матерью благородного семейства: «Встают дети – и ублажают ее, муж, и хвалит ее: «множество было жен добродетельных, но ты превзошла всех их» [Притч 31,29].

Любовь милосердной матери к своим детям совершается в сравнении с любовью Девы Марии к своему Первенцу. Это не эмоциональная, но сдержанная любовь к тому, что принадлежит не ей, но Богу. Только такая любовь определяет истинную свободу сына, его самобытность, независимость от внешних обстоятельств жизни. Церковные иконы – достойное знамение родителям, созидающим свою семью как малую церковь: не вселить в ребенка установку на зависимость от родителей, но подчинить его жизнь более Богу, чем себе самому. На Богородичных иконах Младенец прямо сидит на коленях, а Ее руки обнимают Его, не прижимая к себе. Сдержанная любовь к сыну заставляет его открыть в себе самую уникальную, самобытную личность, устанавливающую истинную иерархию Духа, души и тела как соединительные в ней отцовства, материнства и сыновства.

Такое триединство предполагает придание христианской семье статуса Новой Цивилизации, отражающий собой такой образ Божий, который счастливо сочетает в себе мужское и женское, многонациональное и интегративное начало, в котором есть место всему – духовному и материальному, общественному и индивидуальному, науке и искусству, религии и благоустроенному быту. Личность человека, квинтэссенция всех этих отношений пребывает в этой Цивилизации как феномен истины, красоты, любви и святости.